

Примечания

¹ Вилейшиц Я.М. Систематический сборник законов о мещанских управлениях. Херсон, 1914. С. 72.

² См., напр.: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 86.

³ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 178.

⁴ См.: Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976.

⁵ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Зорина Л.И. Структура русских семей на территории Марийской АССР // Географ. сб. 1969. № 4. С. 131–139; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Зорина Л.И. Структура русской сельской семьи в Татарской, Чувашской и Марийской АССР // Структура населения и городов Татарии. Казань, 1971. С. 21–25.

⁶ Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 48.

N.V. Zorin, E.B. Kaplunskaya. Ethodemographical Traits of the Petty Bourgeois Families of Kazan City in Late 19th century (based on the materials of family rolls of the City Administration)

The article is devoted to studying the structure of families of the main urban estate, i.e. of the petty bourgeoisie. The families are analyzed by the numbers of their members, generations and married couples, correlation between simple and complex families, etc. The article is founded on the petty bourgeois family rolls of Kazan city which represent one of the most important documents that register city dwellers and their family status.

© 2000 г., ЭО, № 1

С.М. Крыкин

ДОЛНА ГРАШТИЦА-90: ФРАКИЙСКИЕ ОЧАГИ-ЖЕРТВЕННИКИ

В центре древней Фракии близ города Стара Загора болгарские археологи исследовали три архитектурных комплекса виллы у р. Чаталка. На одном из них в местности Ламбата в верхнем слое открыли остатки жилищ с каменными стенами, сложенными насухо (кладка насухо или просто на глине – в традиции коренного фракийского населения), очаги, римские подобию греческих пифосов – *долши*, грузы для ткацкого стана и прочее, вероятно относящееся к IV–V вв. н.э.¹ Интересно, что очаги этих «ткачей» (если можно так их условно назвать) представляли собой площадки, устланные и огражденные черепицей, причем с южной стороны каждого из них неизменно находилась вертикально вкопанная керамическая водопроводная труба. Нечто подобное было обнаружено также во фракийском ареале на сербской территории в районе г. Костолаца². Несколько таких очагов со следами горения сверху недавно открыла археолог из г. Перника В. Любенова среди руин оставленного позднеримским населением вероятного ремесленного и культового центра (либо базы для торговли – *эмпория*³) близ нынешнего с. Арбанас у г. Радомир на трассе античного пути из Стоб через Пауталию (ныне Кюстендил) в Сердику (София), минуя Элею⁴. Любопытно, что один из очагов был сооружен в алтарной части разрушенной раннехристианской церкви, построенной, согласно мнению Любеновой, при Константине (IV в.).

В 1990 г. группа студентов Московского пединститута под руководством С.М. Крыкина в составе совместной болгаро-русской экспедиции второй сезон раскапывала позднеантичный объект у с. Долна Граштица на древней переправе через Стримон (ныне Струма) одного из путей из Пауталии в Сердику⁵. Сначала сотрудник Института

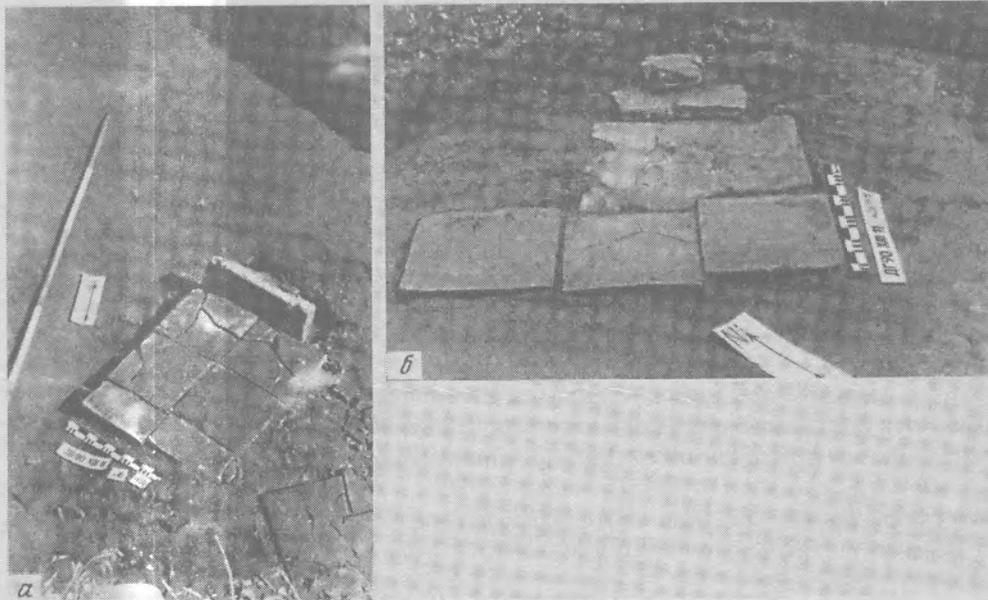

Рис. 1. Эсхары. *а* – эсхара № 1, *б* – эсхара № 2 (Фото автора)

археологии РАН А.М. Смирнов обнаружил и раскопал один очаг-жертвенник (рис. 1,*а*). Именно эта кропотливо изученная эсхара, оказалась наиболее интересной, после чего был расчищен еще один очаг-жертвенник (рис. 1,*б*). Эти находки близ Кюстендила вполне убедительно доказывают их местный, фракийский характер, причем сооружение очагов подобного рода осуществилось еще до начала активного строительства здесь укрепленной виллы (на ее базе по приказу Юстиниана воздвигли крепость для обороны подходов к Пауталии с севера) – это произошло не позднее конца II – первой половины III в. н. э. Оба удовлетворительной сохранности очага были открыты почти на 3-метровой глубине возле южной оконечности вероятного фракийского селища, в полутора десятках метров один от другого вне интерьеров строительных остатков. Судя по характеру рельефа местности, очаги располагались практически на одном уровне, т.е. были сооружены одновременно или же очень близко по времени.

Первый очаг был сложен из четырех стандартных плинф (0.32×0.32×0.04 м) и с северо-восточной стороны двух орфостатно поднятых половин плинф, за которыми обнаружился фрагмент вертикально вкопанной трубы. Поверхность близ очага была уплотнена и содержала признаки большого горелого пятна, а на самой эсхаре были собраны фрагменты предметов: краснолакового сосуда, чашки-канфара и курильницы. Краснолаковый сосуд, декорированный штампованным орнаментом (рис. 2), оказался подобным найденному в Кюстендилье при раскопках на месте Старой школы⁶. Серая чашка-канфар (II–IV вв.) традиционна для этих мест. Вещь, которую мы условно определяем как «курильницу» (рис. 3), однотипна с обнаруженной в Северо-Западном Причерноморье в античной Тире в слое римского времени (II–III вв.)⁷. Краснолаковый сосуд из Пауталии продатирован II–III вв., а «курильница» мёзийского типа из Тиры могла относиться только ко времени оккупации города римскими войсками во II – первой половине III в.⁸, однако в последнее время утвердилось заключение, что римский гарнизон в Тире был уничтожен готами лишь в 269/270 г.⁹ Собственно в Нижней Мёзии похожие лаковые сосуды производились во II–III вв.¹⁰, что же касается курильниц того же образца, что и найденная нами, то их производство осуществлялось во второй половине II – начале III в.¹¹

Рис. 2

Рис. 2. Краснолаковый сосуд со штампованным орнаментом (Из материалов автора)

Рис. 3

Рис. 3. «Курильница», вид сбоку (Из материалов автора)

На втором очаге были открыты крупные фрагменты «серой македонской» керамики (II–IV вв.) и рядом – великолепная ручка бронзового сосуда¹². Эта эсхара также была построена из плинф и их крупных фрагментов и с северо-восточной стороны снабжена вертикально вкопанной трубой. Возле очагов были исследованы остатки строений, сложенных с техническими особенностями II–III вв., в частности с применением раствора с осколками керамики¹³. Позднее, во второй половине III – первой половине IV в. остатки строений и эсхары оказались под основами комплекса роскошной укрепленной виллы, сооруженной в смешанной технике (*opus mixtum*), популярной на Балканах с III – по рубеж VI–VII вв.¹⁴, на розовом растворе с шамотом. Следует добавить, что две плинфы первой эсхары имели повернутые вверх функциональные (для лучшего схватывания раствора) пальцевые штрихи крест-накрест, расположенные параллельно краям, что было характерно, согласно наблюдениям Ат. Милчева¹⁵, для III–IV вв. Впрочем, что не опровергает примерной датировки открытых возле Нижней Граштицы очагов первой половиной III в. н. э.

Было бы опрометчиво находить в перекрещивающихся штрихах скрытый сакральный смысл, тем более что солярная символика не соответствует хтоническому характеру культа домашнего очага, к которому имели непосредственное отношение фракийские эсхары. Согласно заключениям М. Домарадского¹⁶, культ домашнего очага и вообще огня относится к числу древнейших, с эпохи ранней бронзы он был известен на обширных территориях от Передней Азии до Центральной Европы. Этот автор выделяет в качестве атрибутов культа прежде всего орнаментированные глиняные алтари или «очаги», затем «коньки» – фигурки с одной или двумя головами животного, плоские сосуды на трех ножках или сосуды на высокой ажурной подставке («курильницы»), намеренно разбитую бытовую посуду и т.д. Таким образом, определять этногеографическую природу какого-либо из типичных проявлений культа домашнего очага совершенно бессмысленно хотя бы уже потому, что сложился этот культ задолго до оформления достаточно определенной этнической карты Евразии. Удивительно похожие атрибуты культа у кельтов и фракийцев IV в. до н. э. явились

реминисценциями одного общего древнего культа домашнего очага-эсхары (даже более широкого по распространению, нежели общеиндоевропейский)¹⁷.

Если ориентироваться на последнюю вышедшую у нас крупную работу по индоевропеистике¹⁸, то еще до Чатал-Хююка и, вероятно, производной от него европейской культуры Винча (конец IV–начало III тыс. до н. э.) были характерны культовые сооружения с монументальным украшенным очагом; над ним, по традиции, на столбе вывешивался букраний. Пластический орнамент покрывал плоскости печей, очагов и жертвенников, причем жертвенники украшались лепным декором, метопами с применением распространенных на винчанской керамике криволинейных, спиральных, прямоугольных мотивов¹⁹. Некоторые атрибуты культа домашнего очага М. Домарадский отыскал в культурах Куро-Аракской и Лендзел (IV тыс. до н. э.)²⁰, а В.А. Сафронов пытался доказать преемственность и производность культуры Лендзел от более ранней – Винча. У вероятных индоариев-носителей андроновской культуры очаги одного из отмеченных шести типов очагов, а именно правильной прямоугольной формы, предположительно имели культовое назначение²¹. Е.Е. Кузьмина отмечает наличие аналогов культовым круглым и прямоугольным очагам в Древнем Риме, причем квадратный очаг у римлян посвящался мужским божествам и предкам. Греческой богине – покровительнице домашнего очага и вообще огня – в Риме соответствовала Веста²², которой обычно будто бы предназначался круглый очаг для приготовления пищи.

В период между расселением индоариев и эпохой античности великолепные, богато орнаментированные очаги-жертвенники украшали дворцы минойцев и ахейцев, более скромные известны на территориях Румынии (культура Витенберг) и Украины (Жаботин). Примеру владык Крита и Микен спустя века следовали одрисские цари Фракии. Очень похожие атрибуты культа домашнего очага наблюдались у фракийцев, гетов, скифов, кельтов, причем во Фракии В. Любенова прослеживает их до рубежа IV–V вв. н. э. Таким образом, эсхары из Нижней Граштицы и прочие фракийские очаги-жертвенники являются памятниками одной очень давней традиции.

В античном Северном Причерноморье каменные алтари прямоугольной формы являлись важной частью культового комплекса V–III вв. до н. э. в Мирмекии²³. Зольники Китея, Илурата и того же Мирмекия атрибутированы как очаги-жертвенники. Такие же очаги были в быту жителей Боспорского царства. В Зеноновом Херсонесе очаги с обгорелыми остатками жертвоприношений открыты в слое V–VI вв. – заключительного периода функционирования городища на мысе Зюк²⁴. В каждом конкретном случае встает вопрос о вероятной интерпретации таких памятников. В Северо-Западном Причерноморье в Ольвии и Никонии (конец VI–первая половина V в. до н. э.) функционировали культовые комплексы с эсхарами для почитания хтонических, вероятно, связанных с земледелием божеств²⁵. Фракийцы тоже обращались к божественным силам с пожеланием обеспечить плодородие и изобилие. Так, Р. Георгиева исследовала фракийские культовые ямы²⁶ и она, подобно В. Любеновой, пришла к заключению о глубокой связи во фракийском мире хтонических культов мертвых и плодородия, когда на алтаре очищение огнем сопровождалось дарами и жертвоприношениями вкупе с возлияниями. Принимая эти утверждения, можно попытаться истолковать наличие близ алтарей из Нижней Граштицы и Чаталки вертикально вкопанных труб. Вполне возможно, что сущность производившихся на таких эсхарах священнодействий может объяснить сообщение Кл. Шеффера об Угарите, воспроизведенное и развитое И.Ш. Шифманом: «Значение магической церемонии, приносящей удачу, имеет, в частности, жертвоприношение Анату перед тем, как начать хлопоты о доме для Баала:

“Помести в землю жертву хлебную;
положи во прах мандрагоры;
вылей воздаяние в глубины земли,
спрячь котел в глубину полей”.

Существование такого обряда подтверждается и археологически: при раскопках была найдена глиняная трубка, зарытая в землю в вертикальном положении, через нее совершались возлияния. На разных уровнях в трубке были сделаны отверстия, так что жидкость уходила в землю. У нижнего конца трубки были зарыты котлы и ритоны, содержавшие, несомненно, ритуальные приношения. Связь описываемой церемонии с земледельческими культами очевидна; возможно, что в обычных условиях она совершалась перед началом полевых работ»²⁷. Конечно же, призрачная аналогия материалов наших раскопок с памятниками Ближнего Востока XIII в. до н. э. отнюдь не убеждает в правомерности подобной реконструкции ритуала у фракийцев на своих эсхарах: на Балканах всегда была иная природная среда и свои глубокие традиции, ориентированные не только на специфику культурно-хозяйственного типа.

В современной балканистике настойчиво ставится вопрос о выделении фракийских реликтов в болгарской средневековой культуре, а некоторых – даже в нынешней. Следовательно, речь идет об устойчивом этнокультурном континуитете на землях древней Фракии²⁸. Имеется редкое, забытое практически исследование знаменитого российского слависта А.М. Селищева с довольно интересными наблюдениями по Македонии²⁹. Так, невзирая на запрет еще императора Феодосия (Cod. Theod. XVI. 10, 12) приносить кровавые жертвы, эта «греко-фракийская» традиция продолжилась, причем греки даже в XI–XIV вв. выпускали кровь жертвенных животных и на землю, и на очаг³⁰. Вопреки противодействию православия этот обычай соблюдали и позже. По мнению А.М. Селищева, к XVII–XIX вв. из всего славянского мира только будто бы у русских (благодаря многовековому соседству с финскими народами) и у болгар (вследствие их близости к фракийцам и грекам) сохранялись кровавые жертвоприношения. Для обеспечения плодородия кровь животных спускали на землю, а иногда – на очаг (например, у удмуртов). У древних греков в целях освящения и очищения места погребения на могилы умерших приносили поминальную еду и резали черных животных. Обычай заклания жертв над специальным отверстием отмечен еще Гомером (Od. XI. 33–36). Издавна хтоническим силам в честь героя-покровителя дома кровь черных животных выпускали на землю и на очаг для обеспечения благополучия дома, т.е. семьи и рода.

Любопытные моменты обрядов, именуемых *стопан* (хозяин) или *стопанова гостба* и *наместник* в Болгарии минувшего века, вероятно, воспроизводили магические действия далеких предков: «Очаг очищали от пепла, делали в нем отверстие, зажигали огонь и по одной свече по обеим сторонам очага и у дверей; затем старейшая женщина резала жертву – черную курицу, так что вся кровь стекала в отверстие, после чего оно заравнивалось и замазывалось глиной»³¹. В другом месте: «Закалывали совершенно черного барана над отверстием (*ботросом*), выкопанным на правой стороне очага, так что вся кровь стекала в него, после чего в отверстие складывали и внутренности барана, заравнивали и замазывали сверху глиной, а кровью смазывали и противоположную сторону очага; кровью жертвы рисовали кресты в левом углу у очага»³². В итоге эти обряды (на первый взгляд чисто домашние) заканчивались поеданием жертвенной пищи снаружи, вне дома.

Продолжая анализ материалов, собранных Е. Теодоровым, следует вспомнить праздничное жертвоприношение *сбор*, которое могло иметь и общественный, и семейно-частный характер, а также обряд *оброк*, при котором жертвоприношение и пир осуществлялись непременно вне дома в особом месте – *оброчном*³³. Место для оброка традиционно выбиралось в дубравах и у источников. Напомню, что нижнеграштицкие эсхары открыты у берега старого русла Струмы (гомеровского Стримона), вблизи их и донные бьют холодные ключи. Они располагались вне интерьеров построек и вполне могли использоваться как жертвенники оброчного места.

Примечания

- ¹Николов Д. Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско // Разкопки и проучвания. XI. София, 1984. С. 41. Ил. 48.
- ²Милошевић Г. Ранновизантийска архитектура на светињи у Костолацу // Старинар. XXXVIII. 1987. С. 39.
- ³Найденова В. Римската вила в с. Кралев Дол, Пернишки окръг // Разкопки и проучвания. XIV. София, 1985. С. 7–8.
- ⁴См.: Извори за Българската история. Т. 2. София, 1958. С. 24. Считаю своим долгом выразить признательность В. Любеновой за помощь в изучении этих очагов и возможность осмотреть объект у с. Арбанас летом 1990 г., т.е. ознакомиться как с опубликованными материалами, так и с самими памятниками наглядно для поиска аналогий.
- ⁵См.: Иванов Й. Северна Македония. София, 1906. С. 20, 407; Захариев Й. Кюстендилска котловина (географско-этнографско изследване). София, 1963. С. 276; Дремсизова-Нелчинова Цв., Слокоска Л. Археологически паметници от Кюстендилски окръг. София, 1978. С. 16, 43, 83; Крыкин С.М. Позднеантичное и ранневизантийское "Градиште" у с. Долна Граштица близ Кюстендила // Болгаристика в системе общественных наук. II Всесоюз. конф. по болгаристике. Тез. докл. Харьков, 1991. С. 24–25. В 1989–1990 гг. автор возглавлял российский отряд совместной болгаро-русской экспедиции, созданной стараниями прежде всего директора Кюстендилского музея И. Прокопова.
- ⁶Mikhailov St., Sestrimska M. The Old School in Kyustendil. Materials from archaeological excavations. Sofia, 1981. P. 66–69.
- ⁷Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 108. Рис. 35.
- ⁸См.: Клейман И.Б., Сон Н.А. Западно-понтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983. С. 47–59. Рис. 1.
- ⁹Кривина В.В. К вопросу о застройке Ольвии во II–III вв. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ раб. С. 101, 132. Ср.: Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991. С. 140–141; Krapivina V. Olbia in the Roman Period // Limes. Bologna, 1994. P. 190.
- ¹⁰См.: Sultov B. Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II-nd–IV-th c.) // Terra Antiqua Balkanica I (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет (далее – Годишник)). Т. LXXVI. Кн. 2. 1983.) София, 1985. P. 76–79.
- ¹¹Ibid. P. 81. Table XVII: XL, 5; L, 5.
- ¹²Фигура сатира на виноградном листе, высотой 0,13 м, сделанная из практически чистой меди предположительно в III в. н. э., очищена реставратором П. Игнатовым в августе 1990 г. и хранится в фондах Исторического музея города Кюстендила.
- ¹³Бобчев С.Н. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи // Известия на Археологическия институт. Т. XXIV. София, 1961. С. 155: строительный раствор из белого превратился в розовый благодаря добавкам толченого шамота предположительно в середине III в.
- ¹⁴Там же. С. 195.
- ¹⁵Милчев Ат. Археологически разкопки и проучвания в долината на Средна Струма // Годишник. Т. LIII. Кн. 1. 1959. София, 1960. С. 396.
- ¹⁶Домарадски М. Произход и хронология на зооморфните култови фигурки в Тракия през I хил. пр. н. э. // Thracia Antiqua. 2. София, 1977. С. 95–100.
- ¹⁷См.: Чичикова М. Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии // Studia Thracica. I. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975. С. 180–195; Любенова В. Антична зооморфна пластика от околните музеи – Перник // Terra Antiqua Balkanica – 2 (Годишник. Т. LXXVII. Кн. 2). София, 1985. С. 260–273; Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 156–161.
- ¹⁸Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 92.
- ¹⁹Там же. С. 75–79.
- ²⁰Домарадски М. Указ. раб. С. 97.
- ²¹Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 80–81.
- ²²Штаерман Е.М. Веста // Мифы народов Мира. Т. 1. М., 1987. С. 234; Тахо-Годи А. Гестия // Там же. С. 299.
- ²³Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 110–111.
- ²⁴Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Там же. С. 155, 168.

²⁵Козуб Ю.И. Древнейший культовый комплекс Ольвии // *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976. С. 124–130; *Секерская Н.М.* Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев, 1989. С. 96–98.

²⁶Георгиева Р. Обредни ями в Тракия (края на II–I хил. пр. н. е.) // *Археология*. София, 1991. № 1. С. 1–11.

²⁷Шифман И.Ш. *Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв.)*. М., 1987. С. 99.

²⁸См.: Фол А. *Политика и культура в Древна Тракия*. София, 1990. С. 7–34.

²⁹См.: Селищев А.М. *Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии*. София, 1929.

³⁰Там же. С. 267; Теодоров Е. *Древнотракийско наследство в българския фолклор*. София, 1972. С. 114.

³¹Тодоров Е. Указ. раб. С. 107.

³²Там же. С. 110. См. также: Селищев А.М. Указ. раб. С. 273–275.

³³Тодоров Е. Указ. раб. С. 111–118.

S.M. K r y k i n. Dolna grashtitza-90: thracian sacrificial altar hearths

This article publishes the uncovered by the Russian archaeological groups of the joint Bulgarian-Russian expedition near Kyustendil town a number of hearths with vertically dug in tubes and refers to a number of similar finds that were made on the ancient Thracian lands but have not been scientifically interpreted as yet. These were possibly *eskharas* of the autochthonous population of the mountainous Balkan regions that were related to a very ancient universal of many peoples agricultural cult or to an ancestor cult.